ГОСУДАРСТВО, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ В ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ США

Н.А. Суханова

Вся история христианской и всемирной империи предполагала «за императорами определенные обязанности и как стража веры, и как свидетеля милости Божией к человеку. Согласно *Epanagoge* (своду законов IX в.), цель императора — творить добро, и поэтому он именуется благодетелем, а когда он терпит неудачу в этом долге творения добра, он утрачивает свое царственное достоинство. Патриарх Антоний IV писал: "Невозможно христианам иметь Церковь и не иметь империи; ибо империя образует великое единство и сообщество; никак им невозможно обособиться друг от друга"[1]. Казалось бы, протопресвитер И. Мейендорф ссылается на далекие от нас времена, но возвращаясь к нашей действительности, нельзя не отметить, что все президенты США, от Джоржа Вашингтона до Буша-младшего, считали необходимым в контексте той или иной речи, произнесенной ими во время инаугурации, упомянуть имя Господне. «Большинство из них, — пишет Мадлен Олбрайт, — выразили благодарность Всевышнему за то благословение, которое он шлет Америке. Многие выражали убеждение в том, что, пока политика Соединенных Штатов будут оставаться справедливой и соответствующей нормам высокой морали, Господь Бог не откажет этой стране в своей благосклонности»[2].

Президентская кампания 2008 г. в США с готовностью подтверждает ту немаловажную роль, которую играет религия в современном обществе. Позиции тех или иных кандидатов по вопросам Церкви и государства и роли религии в политике были выдвинуты в центр внимания общественности, наряду с актуальными проблемами экономики, войны в Ираке, здравоохранения и политики налогообложения, хотя взгляды отдельных политических фигур не получили тщательного анализа со стороны прессы. В целом, однако, пристальное внимание к религии не должно вызывать удивления, поскольку вероисповедание кандидатов испокон веку всерьез рассматривалось и дебатировалось при проведении президентской компании, и за последние годы некоторые кандидаты открыто ассоциировали себя с определенными религиозными группами, которые в свою очередь связывают себя с решением специфических значимых вопросов для государства. В соответствии с опросами общественного мнения, по данным «Ресерч Сенте» осенью 2007 г. почти 40% американцев хотели бы принять участие в гораздо более серьезной дискуссии по религиозным вопросам во время предвыборной кампании, чем это делается теперь. Преимущественное большинство американцев (почти 70%) ожидают от президента сильных религиозных убеждений и одобряют открытое обсуждение в предвыборной компании взглядов кандидатов на должность президента на вероисповедание. Следует отметить, что в то время как республиканцы, особенно во время последних двух предвыборных кампаниях, открыто говорили о вере и ценностях, демократические кандидаты в 2008 г. предприняли огромные усилия для того, чтобы преодолеть имидж индифферентного отношения к религии. Лидеры в предвыборной гонке на пост президента от Демократической партии открыто признали влияние своего личного вероисповедания в своей карьере и жизненных вопросах, и Барак Абама, в частности, в соответствии с утверждением Джейна Лампмана, автора статьи «Роль веры в компании 2008 повышается», определил себя как «убежденный христианин», чья работа с церквами в Южном округе Чикаго оказала огромное влияние в целом на видение Америки[3].

Согласно обзору общественного мнения, опубликованному тем же Центром (по Ресерч Сен-

---

[1] *Мейендорф Иоанн, протопресв.* Византийское богословие. Минск, 2001. С. 303–304.

[2] *Олбрайт М.* Религия и мировая политика / При участии Б. Вудварда. М., 2007. С. 44.

[3] Цит. по: *Wallace L., Daniel and Meredith Holladay.* Church, State and Presidential Campaign of 2008 // Journal of Church @ State. 2008, Winter. Vol. 50. № 1. P. 6–22.

те), в августе 2007 г. значительное большинство американцев (68% белых протестантов и белых не испанских католиков) твердо убеждены, что религиозные органы и учреждения не должны утверждать на должности политических кандидатов и должны поддерживать отделение Церкви от государства. В то же время некоторые кандидаты на пост президента, особенно с республиканской стороны, проявляют значительную тревогу в отношении «секуляризации» американской общественной жизни и приветствуют деятельность правительства для укрепления места христианства как в исторической памяти государства, так и на современной практике.

«В основе отделения церкви от государства лежат три основных принципа, — отмечает М. Олбрайт, — или, как еще принято говорить, три "нет": никаких тестов на религиозную принадлежность желающих поступить на государственную службу, никакой государственной религии и никаких ограничений религиозной свободы. Соблюдение этих принципов крайне важно как для нашей демократии, так и для сохранения идентичности американской нации... Выражая данное пожелание, мы в то же время должны отдавать себе отчет в том, что разделение церкви и государства не требовало, да и не привело к устранению религии из нашей гражданской жизни. Религиозная символика присутствует на денежных знаках и монетах. Религиозные темы звучат в патриотических песнях и в выступлениях государственных и общественных деятелей. Такова реальность, и она свидетельствует о том, какие глубокие корни пустила религия в Америке, а также о том, что, хотя она и отделена от государства, тем не менее общественность судит о лидерах, в том числе и по их религиозности»[4]. Другими словами, можно сделать вывод, что ни один политический деятель США не может добиться успеха, не уделяя должного внимания связанным с религией вопросам. Согласно М. Олбрайт еще Дж. Вашингтон во время своей первой инаугурации уверенно заявил, что «создается впечатление, что каждый шаг нашей страны в какой-то степени отмечен Божьим предопределением»[5].

Продолжая развивать тему секуляризации, следует привести мнение американского историка и интеллектуального деятеля Уилфреда МакКлейя, который утверждает, что термин «секулярный» часто неправильно понимается и неправильно используется. В своей работе «Два вида секуляризма» МакКлей подчеркивает разницу между двумя формами секуляризма. Политический секуляризм, — объясняет он, — утверждает важность и моральную легитимность религиозного вероисповедания, в то время как он не одобряет установление одной веры[6]. В противоположность этому, философский секуляризм рассматривает религиозное верование как феномен, наносящий вред, и он имеет целью предотвратить любой вид религиозного выражения от того, чтобы стать частью убеждений членов правительства. МакКлей утверждает, что первая форма секуляризма лежала в основании концепции американский отцов основателей, и она объясняет, почему Соединенные Штаты, в отличие прочих стран, могли бы в одно и то же время объединить религию и современность, почему она развила гибкую, комплексную систему, которая привлекла к себе различные религиозные перспективы, уникальную систему, которая совмещает религию и правительство дискурс на одной и той же общественной платформе.

Каков же привычный для нас философский подход к термину «секуляризация»? Согласно проф. Ф.Г. Овсиенко, предпринимавшему теологические и философские исследования по данному вопросу, «секуляризация» проявляется (с конца XIX в.) как процесс лишения религиозных институтов социальных функций, сокращения культовой практики, вытеснения религиозных представлений и замены их светскими взглядами. «Современная христианская теология, т.е. И. Метц, К. Ранер, Г. Кюнг, — пишет он, — отличая историко-юридическое понимание секуляризации от сугубо богословского, имеет ввиду под последним не устранение религии и церкви из публичной жизни, а вытекающее из самой *веры* признание автономности по отношению к религии и церкви светского мира... Согласно теологической версии секуляризации, социально-политическое служение верующего, мирская ангажированность в деле гуманизации мира вовсе не отдаляют его от религиозного предназначения, а, напротив, придают этому служению

[4] *Олбрайн М.* Религия и мировая политика. С.43

[5] Там же. С.34.

[6] *Wallace L,. Daniel and Meredith Holladay*. Church, State and Presidential Campaign of 2008 // Journal of Church @ State. 2008, Winter. Vol. 50. № 1. P. 6–22.

реальное и конкретное, ни в чем не противоречащее религиозному призванию выражение»[7].

В общем христианском понимании под секуляризацией понимается процесс обмирщения, освобождения всех сфер общественной и личной жизни из-под влияния религии и Церкви. Говоря таким образом о секуляризации, следует охватить целый пласт понятий, вернуться к истокам возникновения термина, к истории развития отношений между Церковью и государством еще в самом начале формирования и развития христианства. Говоря о Соединенных Штатах и современном развитии данного вопроса, обратим свой взгляд к истории данной тематики.

Середина XX века. Президентские выборы в США сфокусировали внимание в значительной степени как на вопросах религии, так и политики. В то время как религиозные вопросы прочно вошли в повестку дня американского предвыборного курса, кампания 60 г. придала им центральное значение, особенно потому, что они связаны, согласно Теодору Уайту, с огромным и наиболее важным разделением американского общества между протестантами и католиками[8]. В этой кампании вопрос о католицизме Джона Ф. Кеннеди и нейтралитета Церкви в политике стали центральной озабоченностью среди выборщиков в первичные выборах со стороны демократов и на общих выборах. Следует отметить, что как протестантская, так и католическая Церкви в предшествующие кампании годы вмешивались в политику и использовали свою власть для оказания влияния на принятие решений в проведения курса определенных правящих кругов.

Чем же характеризовалась политическая ситуация в этот период времени? Соединенные Штаты оказались перед лицом серьезного кризиса во внешней политике, который пошатнул незыблемость упрочения позиции США как великой державы. Начиная с тех времен, когда был сбит американский самолет U-2 над территорией Советского Союза, когда участились волнения в Турции, происходили студенческие восстания в Южной Корее, имел место провал саммита в Париже, ухудшились отношения с Кубой, Япония отказалась принять президента Дуайта Эйзенхауэра, американская государственность, по словам Т. Уайта, покачнулась в волнах периода хаоса и уничижения, нагрянувших после элегантной дипломатии, когда великий Джон Хей придал Америке статус старшей власти земли. Помимо всего прочего, США столкнулись и с серьезными внутренними проблемами, требующими немедленного решения: упадок урбанизации, расовая несправедливость, недостаточные темпы роста экономики, уступающие ведущим конкурентам, хаотичная система налогообложения, острые проблемы образования, проблемы в науке. Все это поставило во главу угла и вопрос лидерства, т.е. какой вид лидерства наиболее необходим стране: нужен ли опытный лидер, чье умение сформировалось ранее в его продолжительном участии в высших эшелонах правления, или же нужен новый лидер со свежими взглядами на то, как отвечать насущным нуждам страны?

В 60 гг. прошлого столетия в Соединенных Штатах встал вопрос, будет ли отдельно взятая личность, будучи президентом, действовать согласно внешней религиозной власти или в соответствии с собственной волей? В мае 1960 г. во время первичных выборов в Восточной Виржинии Кеннеди был вынужден четко выразить свою позицию по данному вопросу: «*Когда человек стоит на ступенях Капитолия и дает клятву о вступлении в должность президента, он клянется поддерживать отделение церкви и государства; он кладет одну руку на Библию и поднимает вторую к Богу во время произнесения клятвы. И если он нарушает свою клятву, он не только совершает преступление против Конституции, за что Конгресс может подвергнуть его импичменту — и он должен подвергнуть его импичменту, но он совершает грех против Бога*»[9].

Речь Кеннеди, по Уайту, ознаменовала поворотный момент в первичных выборах в Уэст Виржинии. Хотя определенная озабоченность продолжала существовать со стороны выборщиков в продолжении всех месяцев, предшествующих ноябрьским выборам, заявление Кеннеди в Уэст Виржинии развеяло многие из опасений. В последующие предвыборные кампании вопрос о религиозной власти и принятии политических решений вставал неоднократно, и даже если этот вопрос не стано-

[7] *Овсиенко Ф.Г.* Секуляризация // Религиоведение: Энцикл. словарь. М., 2006. С. 975.

[8] Цит. по: *Wallace L., Daniel and Meredith Holladay*. Church, State and the Presidential Campaign of 2008 // Journal of Church @ State. 2008, Winter. Vol. 50. № 1. С. 6–22.

[9] Ibid.

вился центральным, ему придавалась тем не менее важная роль в анализе видения кандидатов на пост Президента, относительно того, что же они могут предложить для управления страной.

Почему же так важно отделить Церковь от государства, согласно американским политикам? Некоторые из них считают так же, как и полагали отцы-основатели Америки в свое время и как учит американцев исторический опыт, что чрезмерная концентрация в одних руках политической и религиозной власти может быть опасной.

«Большинство из нас не хочет, — считает М. Олбрайт, чтобы наши лидеры принимали собственную волю за волю Божью. В то же время мы не хотим, чтобы игнорировались моральные и религиозные принципы. Мы поддерживаем отделение церкви от государства, но против выдавливания религии из общественной жизни. Многие из нас постоянно молятся, чтобы Господь наставил наших руководителей на путь истинный»[10].

В чем же сокрыта такая актуальность вопроса и в чем такая избранность американской государственности? Билл Клинтон, 42-й президент США, пишет в предисловии к вышеупомянутой книге М. Олбрайт: «Конституция Соединенных Штатов создала новую систему управления, при которой высшим доверием облечен весь народ как единое целое, а не официальные лица, не руководители страны, действия которых ограничены существованием оригинальной системы сдержек и противовесов. Одним из ограничений, предусмотренных отцами-основателями, служит положение о том, что в стране не должно быть государственной религии и что никто не имеет права лишать кого-либо возможности свободно исповедовать любую религию»[11].

Можно ли сделать вывод, что христианство не является основной религией в Америке и что рука, возложенная на Библию, может принадлежать к представителю любого вероисповедания?

В данном случае следует напомнить об одном немаловажном понятии — о Церкви. Что же такое Церковь? Здесь уместно привести слова прот. Сергия Булгакова, который в богословской трилогии писал: «Церкви суть феноменология Церкви, “видимое”, т.е. вообще являемое в эмпирической действительности, а в этом смысле невидимое в видимом. Видимое имеет для себя внешние границы, принадлежит истории, но в этих гранях проявляется “невидимое”, т.е. ноуменальное бытие... Сфера действия Церкви не всегда совпадает с внешними формами ее проявления, не все, что делается от имени Церкви как клерикальной организации, церковно, как и наоборот»[12].

Следуя за мыслью другого нашего современника прот. Иоанна Мейендорфа, и обратив взгляд в прошлое, вспомним, что на «на Западе Церковь развивалась в могущественную институцию; на Востоке она виделась преимущественно сакральным (или «мистическим») организмом, отвечающим за «божественное» и наделенным лишь ограниченным институциональными структурами. Структуры (патриархии, митрополии и прочие официальные институции) формировались самой империей (за исключением фундаментальной трехчастной иерархии — епископ, священник, диакон — в каждой Поместной Церкви) и не считались происходящими из Божественного источника... такая частичная уступка “институциональной” стороны христианской империи, послужила сохранению сакраментального и эсхатологического понимания Церкви, но ему сопутствовали и серьезные опасности... Восточная Церковь не раз на опыте узнавала, что далеко не всегда государство заслуживает доверия, а часто оно вообще принимало явно бесовскую личину»[13]. И далее И. Мейендорф, развивая эту мысль, поясняет, что в пределах социальной нравственности создавшееся положение не допускало появления отточенных формул и незыблемых абсолютов и уберегало Церковь от полного отождествления ее с институтом, установленным в категориях политики или социологии. Но бывали времена, когда это же противостояние могло истолковываться в духе платонического или манихейского дуализма, а это означало полный отказ от ответственности за положение в обществе. Временами такой подход приводил к тому, что государство возлагало на себя миссию Церкви, и тогда одни только монахи свидетельствовали неизбежность конфликта и полярности между Царством Бога и царством кесаря.

М. Олбрайт полагает, что сегодня общепринято считать, что разделение церкви и государства

[10] *Мадлен Олдбрайт.* Религия и мировая политика. С. 131.

[11] *Клинтон Б.* Предисловие // *Олбрайт М.* Указ. соч.

[12] *Булгаков С., прот.* Невеста Агнца. М., 2005. С. 293, 351.

[13] *Мейендорф И., протопресв.* Византийское богословие. Минск, 2001. С. 305.

было продиктовано стремлением не допустить вмешательства религиозных организаций в управление страной. На самом же деле отцы-основатели руководствовались совершенно другими соображениями, а именно желанием защитить религию от тяжелой руки политиков. Для достижения этой цели они посчитали необходимым запретить вмешательство этих двух институтов в дела друг друга»[14]. Например, Джеймс Мэдисон, выступая в поддержку идеи отделения Церкви от государства, будучи уже избранным президентом, наложил вето на законопроект об официальной регистрации на федеральном уровне Епископальной церкви, а также другой законопроект — о предоставлении баптистской общине общественных земель. Уже будучи в отставке, Мэдисон писал, что чем дальше религия и правительство будут друг от друга и чем меньше станут вмешиваться в дела друг друга, тем успешнее они будут справляться со своими собственными задачами.

В начале 2008 г. в предвыборной гонке кандидата от Республиканской партии Мит Ромнея его верование и принадлежность к мармонам вызвали много острых дискуссий с точки зрения избрания его Президентом Соединенных Штатов. Этот вопрос практически тот же, с которым Джон Ф. Кеннеди столкнулся на выборах 1960 г., когда его принадлежность к католикам вызвала волну вопросов: может ли не протестант получить достаточную поддержку общества для того, чтобы быть избранным? Однако аргументы против католика Кеннеди были политическими, настороженность же в отношении мормонства Ромнейя — культурного и теологического плана, как об этом говорит Гэри Уилс. Личные религиозные взгляды Ромнейя в конечном счете доказали, что их влияние на принятие решений во внешней политике, экономике и иммиграционном курсе крайне незначительны, но вот его взгляды на религиозную свободу и на вопросы «церковь-государство» смогли бы оказать весомое влияние на характер его президентства, если бы его кандидатура в результате оказалась вполне приемлемой. Заметим, Ромней не уклонился от обсуждений, насколько его религиозные перспективы «дают пищу для политики»: в декабре 2007 г. в Техасском университете он поставил эти вопросы в центр внимания изложения своих взглядов на президентство и подчеркнул, что не какой-то католик, или кто-то еще, а американец баллотируется в президенты. Подобно Джону Кеннеди, Ромней произнес, что он не расценивает свою кандидатуру с точки зрения своей религии. Ромней с уверенностью заявил, что верование кандидата не должно быть определяющим в деле, будет ли данный человек избран, точно так же оно не должно быть причиной, по которой этого кандидата отвергнут. В вопросах управления страной, подчеркнул он, никакая церковная власть, и никакая церковь никогда не окажут какого-либо влияния на принятие государственных решений.

В своем обращении к жителям Техаса и в прочих своих речах и статьях Ромней подчеркивал важность религиозной свободы и норм закона, не уставая цитировать при этом Авраама Линкольна: «Мы все, — говорил он, — в основе своей религиозные люди, чья свобода требует религиии точно так же, как религия требует свободы для своего выражения, свобода открывает “окна души” предоставляя мужчине и женщине шанс раскрыть свое собственное духовное “я”»[15].

И.А. Ильин в свое время писал, что человек имеет священное, неотъемлемое право на духовное самоопределение и на духовное творчество. «Надо понять, — подчеркивал он, — что религиозная вера может быть цельна и искренна только тогда, когда она свободна. Приказ и требование бессильны создать веру. Ибо *вера есть цветок Благодати, дар веющего Духа*»[16].

Раскрывая понятие свободы во всем множестве его приложения, уместно напомнить слова прот. С. Булгакова, который писал, что «для человека все совершается в свободе, в приятии или неприятии его бытийной темы или задания, как и в самом образе его приятия. В применении к общим путям жизни мира это означает возможность колебаний и длительности ее («mora finis»)[17]. Как полагает Булгаков, цели Божии непреложны и неотменны, но пути для них могут различаться, причем эти различения, несущественные для целого, могут оказаться существенными для индивидуальных

[14] *Олбрайт М.* Религия и мировая политика. С. 34.

[15] Цит. по: *Wallace L., Daniel and Meredith Holladay*. Church, State and the Presidential Campaign of 2008 // Journal of Church @ State. 2008, Winter. Vol. 50. № 1. P. 5–22.

[16] *Ильин И.А.* Обоснование свободы. Т. 2. М., 1993. Кн. I. С. 191.

[17] *Булгаков С., прот.* Невеста Агнца. С. 367.

судеб и достижений. Памятуя о трех гранях свободы — «духовной», «метафизической» (свобода воли) и «социальной», — следует отметить, как пишет проф. А.И. Осипов, что «религиозная свобода — это право открытого исповедания и практического осуществления своих религиозных убеждений как индивидуально, так и коллективно. В этом отношении религиозная свобода ничем не отличается от тех важнейших социальных, или внешних, свобод и прав, которыми обладают граждане той или иной страны и различные секулярные организации... Если рассматривать их (эти свободы) идеализированно, без относительно к реальному духовному и нравственному состоянию человека и общества, то их необходимость для нормальной жизни общества и ее членов очевидна. Однако как только вопрос касается практического осуществления этих свобод в жизни, они сразу же оказываются одной из серьезных проблем, особенно в настоящее время»[18].

Свобода и Америка, Америка и демократия — непреложные девизы американского истеблишмента. Лозунги об избранности американской нации звучат тут и там в устах государственных деятелей. В то же время М. Олбрайт отмечает, что ее смущает сама мысль о том, что какие-то потусторонние силы, будь то Бог, Провидение, природа или история, могут определять какой должна быть цель американской политики. В тоже время она согласна, что Америка — страна огромных ресурсов, выдающихся достижений и уникальных возможностей, а «кому многое дано, с того много и спросится». Америка, по ее словам, призвана играть главенствующую роль в мире, но выполняя эту миссию, американцам следует помнить предупреждение, сделанное в свое время Джоном Адамсоном. По мнению последнего, свобода, понимаемая как свобода воли, — это не исключительно наша прерогатива, это дар Божий. К тому же, подчеркивает Адамсон, понятие свободы лишено каких-либо моральных аспектов, она абсолютна нейтральна и не может быть использована как на пользу людям, так и во вред. Что же касается демократии, то она, напротив, — творение человека, создавшего ее для того, чтобы направить свободу в русло уважения прав всех граждан.

Каково же мнение на этот счет православных христиан?

«Бог свято хранит онтологическую свободу человека, никогда не насилуя его волю... Если право сообразуется с божественной Правдой, явленной Господом Иисусом Христом, то и оно стоит на страже человеческой свободы и соответственно охраняет неотъемлемые права личности. Те же традиции, которым незнаком принцип христовой свободы личности, неизменно стремятся подчинить свободу человека воле коллектива, общины... По мере секуляризации европейской жизни высокие принципы неотчуждаемых прав личности превратились в права индивидуума вне его связи с Богом, а охрана свободы воли трансформировалась в защиту своеволия — там, где оно не вредит иным индивидуумам»[19].

Возвращаясь к Ромнею, следует отметить, что во множестве своих выступлений он настойчиво подчеркивает свою приверженность делу отделения Церкви от государства и сильно противится любой попытке государства вмешаться в свободу Церкви. Все же сам Ромней озадачен тем, что он видит экстремальную интерпретацию термина «отделения» Церкви от государства. Некоторые наши современники, утверждает он, понимают отделение Церкви за пределами первоначального значения этого понятия и тем самым искажают намерения отцов-основателей и их убеждения. Ромней считает, что такие экстремисты стремятся устранить любое утверждение о существовании Бога из общественной сферы отнести религию только к частному сектору и не отводить ей никакого места в общественной жизни, и в своих попытках устранить традиционные верования они ставят перед собой новую цель создать новую религию — религию секуляризма. Ромней видит традиционную религию и секуляризм как две противоположности; согласно его взглядам они происходят из различных источников.

Кандидат от Республиканской партии в недавно прошедших президентских выборах Джон Мак-Кейн — человек, придерживающийся религиозных принципов, чье личное верование влияло на все его действия и поступки на протяжении всей его жизни, — воспитывался как член Епископальной церкви (последние 15 лет он посещал баптистскую церковь, но сам не крестился). По некоторым специфическим вопросам управления государством

[18] *Осипов А.И.* Путь разума в поисках истины. М., 1999. С. 215.

[19] См.: *Зубов А.* Религиозно-нравственные основания права // Православное учение о человеке. М.; Клин, 2004.

МакКейн выразил свою поддержку отделения Церкви от государства, хотя и неоднократно подчеркивал значимость христианского принципа «*In God We Trust*», означающего по его мнению, что все люди сотворены равными и что все утверждения, которые они делают, должны быть произнесены с верой в Небесного Творца.

В частности, МакКейн заявляет, что Конституция создала Соединенные Штаты как христианское государство; он предпринял три попытки твердо поддержать идею сохранения «единой нации под Господом Богом» в своем *Обете преданности государству*, вынесенному на одобрение в Сенат. Основанные на христианской вере и ее принципах США, — утверждал МакКейн, — должны незыблемо удерживать эту веру в центре национального единства. Его заявления о том, что Америка — христианская нация вызвали бурный протест общественности, и в ответ на это МакКейн заявил, что его интерпретировали слишком узко.

Около десяти лет назад активисты христианского и еврейского движения Америки начали кампанию против преследования в ряде стран верующих за их религиозные убеждения. В 1998 г. Конгресс США принял «Акт о международной религиозной свободе» *(International Religious Freedom Act)*, который после подписания его президентом Клинтоном стал законом Соединенных Штатов. Была создана Комиссия по вопросам свободы религии за рубежом *(Commission on International Religious Freedom)*. Более того, американский Конгресс потребовал от Госдепартамента ежегодно представлять доклад о положении со свободой религии в зарубежных странах. Этот закон предусматривал, что одной из задач внешней политики США стало выявление и осуждение любых форм преследования по религиозным мотивам. В то же время закон предоставлял американским дипломатам дополнительные возможности для того, чтобы обращать внимание руководства иностранных государств на необходимость соблюдать права человека в сфере религии. Таким образом, для американцев, как они считают, естественно проявлять заботу о соблюдении свободы религии не только потому, что для них это один из основополагающих принципов американской демократии, но и потому, что состояние религии в стране позволяет судить о характере ее правительства. «Всем тем, кто намерен способствовать укреплению свободы вероисповедания, следует помнить о том, что этот вопрос требует крайне деликатного подхода. Серьезные улучшения в этой области чаще всего происходят в результате терпеливого убеждения, а не выдвижения категорических требований»[20].

Возвращаясь опять-таки к истории, следует напомнить, что поступательное движение, начатое некогда императором Константином Великим, привело к рождению нового феномена, известного под названием «христианская Империя», а официальным титулом правителя империи было «правоверный царь во Христе Боге»; система же правления все более вбирала в себя христианские взгляды и христианское вероучение. С IV по VI в. различные императоры, в особенности сам Константин, Феодосий I и Юстиниан I, даровали Церкви громадные привилегии разного рода: отдали ей часть юридической власти государства и оставили за ней всю сферу социального обеспечения. «Весь народ Божий воспринимался объединенным под скипетром единого монарха. Церковь и государство были теперь не отдельными единицами, обозначенными определением их взаимоотношений, но единым телом, управляемым двумя иерархиями: экклезиастической и политической, последняя из которых возглавлялась императором...»[21]. Тогда вслед за обращением императора в Церковь стали вливаться массы. «Более того, благодаря обращению императора Церковь была поставлена на главное место в жизни империи. Могла ли Церковь отказаться от этой роли?»[22], — пишет А. Дворкин.

Что касается демократов, роль поставленных вопросов — «церковь-государство» — стала значительным образом отличной в данном цикле предвыборной кампании в сравнении с предыдущими кампаниями Джоржа Буша. Демократическая партия в предыдущих выборах явно уклонилась или даже принизила роль религии в кампании. Выборы 2008 г. продемонстрировали огромный сдвиг в религиозном тоне, воспроизводимом демократическими кандидатами, со стороны кандидатов, возглавивших предвыборную гонку — Хиллари Клинтон и Барак Обама. Оба эти сенатора

[20] *Олбрайт М.* Религия и мировая политика. С. 124

[21] *Дворкин А.* Очерки по истории вселенской православной церкви. Н. Новгород, 2005. С. 177.

[22] Там же. С. 226.

заявили о своем участии в политической жизни в тесной связи с их религиозными убеждениями. Х. Клинтон утверждала, что верует с детства и решает социальные и морально этические вопросы в тесной связи со своим вероисповеданием. Обама обнаружил свои интенции к политическим изменениям благодаря работе с церковными организациями в Чикаго. Эти политики отмечают необходимость религии как неотъемлемой части общественного дискурса, и оба более открыто, нежели их предшественники, взывали к религиозной части избирателей.

Х. Клинтон признает, что ее приверженность вероучению Методистской церкви оказывало сильное влияние на ее политические мотивации. Она часто ссылалась на свои глубокие религиозные верования и характеризовала себя как морально устойчивого, преисполненного веры кандидата, признала, что руководствовалась принципами веры в сильно нашумевшем скандале, связанном с ее мужем — бывшим президентом Б. Клинтоном.

Со времени ее пребывания в Белом Доме в качестве первой леди сенатор Х. Клинтон была вовлечена в группу по изучению Библии и Молитвы, организованную на Капитолийском Холме. Во время дебатов летом 2007 г. Х. Клинтон обратилась к обществу с призывом «сделать инъекцию веры в политику» так, чтобы это выявило у народа чувство принадлежности к общей человеческой нации и побудило к ощущению сплоченности как единой нации[23]. В дальнейшем, руководствуясь своим вероисповеданием, она ссылалась на Библию, открыто осуждая позицию республиканцев по вопросам эмиграции. В 2007 г. во время дебатов, касавшихся Иммиграционного билля, Х. Клинтон высказала свое несогласие, отметив что трудно представить, что республиканские лидеры, которые то и дело говорят о ценностях и о вере, выдвинули на рассмотрение закон с такой слабой духовной мотивацией[24].

Та риторика, с которой сенатор Обама обсуждал вопрос влияния личных религиозных убеждений на политические перспективы, очень напоминают рассуждения Х. Клинтон. Однако, в отличие от Клинтон, Обама не был воспитан в христианском духе. В частности, он говорил о своем воспитании, в большей степени как о нерелигиозном: в то время как его мать была «глубоко духовной личностью», сам он не исповедовал никакой личной веры вплоть до более позднего периода своей жизни. Говоря о своем воспитании и о том, как оно повлияло на его взгляды на религию и политику, Обама указал, что по верованию его матери, в основе религии лежит целая совокупность различных представлений, указывающих на то, как ты относишься к другим людям и как ты намерен действовать, не просто для себя, но для всеобщего блага.

В течение всей своей предвыборной кампании Обама не уклонился от религиозных дебатов — во многих штатах его кампания проводила «форумы веры». Обама признает, что большинство американцев глубоко религиозные люди (согласно статистике 90% населения подтвердило свою веру в Бога), поэтому он счел чрезвычайно важным включить вопрос о роли религии в политике в программу общественных дебатов.

Обама публично не критиковал инициативы, базирующиеся на вере, поскольку полагал, что политический курс должен пройти новую оценку с точки зрения его эффективности, а основной принцип, стоящий за этим, должен учитывать, с точки зрения блага для нации как интересы правительства, так и церковных организаций.

Заметим: рассматривая вопросы религии и политики, М. Олбрайт в своей книге обращает внимание читателей на то, что большинство из нас, видимо, согласятся с тем, что, если мы хотим сосуществовать друг с другом, крайне важно соблюдать моральные правила общежития, хотя часто трудно даже определить, что это такое. «Мы всегда чувствуем себя в большей безопасности в мире, — пишет она, — в котором как граждане, так и целые государства руководствуются в своих действиях прежде всего соображениями совести и порядочности. А как же быть с религией? Видимо, ее можно считать самым существенным и влиятельным фактором, определяющим нашу совесть, хотя одновременно она может служить причиной возникновения конфликтов и разжигания ненависти, чему мы не раз были свидетелями как на Балканах, так и других регионах мира, где неоднократно вспыхивали межконфессиональные конфликты. Так что же, хотим ли мы после всего этого, чтобы религия играла в нашей жизни все

[23] Journal of Church @ State. 2008. Winter. Vol. 50. № 1.

[24] Ibid.

большую роль или нет?»[25] — задается вопросом профессор и политик.

Во время первого срока своего пребывания на посту президента Б. Клинтон, выступая в парламенте Иордании, в частности, заявил, что некоторые настаивают на том, что между Соединенными Штатами и странами Ближнего Востока якобы существуют непреодолимые препятствия религиозного и не только религиозного характера. Утверждается, что эти убеждения и культуры неизбежно сойдутся в схватке. Б. Клинтон, как пишет Олбрайт, не согласился с подобными утверждениями. С точки зрения Америки, нет никаких объективных причин для того, чтобы эти цивилизации вступили в противоречие. Далее Олбрайт отмечает, что администрация Клинтона неоднократно подчеркивала данный тезис, поскольку желала, чтобы арабы и мусульмане в целом реально подходили к будущему и не смотрели на мир как на арену религиозного соперничества... Американцы совершенно искренне считают терроризм аномальным отклонением от правильного пути, да и в Коране четко сказано, что нельзя лишать жизни даже одного невинного (его убийство приравнивается к убийству всего человечества).

Авторы многочисленных статей, освещавших президентскую кампанию 2008 г. в США, подчеркивают значимость религии в рассмотрении вопросов морали, социальных программ, направленных на устранение обнищания масс, борьбы с болезнями и т.д., в тоже время они указывают на деликатный баланс, который следует установить между сферами действия Церкви и государства. В статьях указывалось также, что кандидатам на пост президента следует с большей аккуратностью употреблять слово «секуляризм».

Результаты и риторика прошедшей президентской кампании кажутся важными для последующих взаимоотношений церкви и государства. Как утверждали авторы этих статей, если у следующего президента будет возможность сделать назначения в Верховный Суд, эти назначения могли бы отразить хрупкий баланс, который Суд в данное время демонстрирует в вопросах церкви и государства. Согласно новому президенту США, как пишут газеты, — принять теологический абсолютизм — задача простая; гораздо более трудная задача — найти должный баланс между легитимной ролью веры в жизни и требованиями гражданской религии.

В свете всего сказанного стоит напомнить точку зрения российских богословов и представителей Церкви, которые считают, что в «настоящее время характер деятельности многих христианских церквей, особенно на Западе, свидетельствует о резком падении в них интереса к вопросам духовной жизни, катастрофическом увлечении так называемой горизонтальной, или мирской, деятельностью»[26]. Подобное обмирщение современного христианина, ищущего материального спасения сегодня, без приобретения человеком евангельских духовный ценностей неоднократно критиковалось и Русской Православной Церковью. Принципиальная христианская позиция по отношению к социальным, политическим, экономическим и прочим внешним свободам заключается в утверждении, что они могут рассматриваться лишь как средства, условия для достижения смысла человеческой жизни, но не как самоцель. Они не могут рассматриваться в качестве первичных гарантов нормальной жизни человеческого общества, поэтому, как пишет проф. А.И. Осипов, «...важнейшей задачей общества должно являться создание такой нравственной и правовой атмосферы, в которой внешние свободы способствовали бы духовному исцелению и росту человека»[27].

К упомянутому можно лишь добавить: чтобы правильнее представить должные отношения между Церковью и государством, видимо, следует осознать различия их природ — Церковь и государство имеют разную природу и происхождение. Целью Церкви является вечное спасение людей, целью государства — их земное благополучие. Государство, сознающее пределы своей компетенции, не претендует на то, чтобы высказать авторитетное суждение о вероучительных предметах или о формах богопочитания — о богослужении. Точно так же не дело Церкви судить о формах государственного устройства, о мероприятиях правительства с точки зрения их политической целесообразности. Церковь и государство имеют свои отдельные сферы действия, свои особые средства и в принципе независимы друг от друга.

---

[25] *Олбрайт М.* Религия и мировая политика. С. 85.

[26] *Осипов А.И.* Путь разума в поисках истины. С. 206.

[27] Там же. С. 217.

В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» содержится положение, запрещающее клирикам участвовать в политической борьбе — перед лицом политических разногласий Церковь проповедует мир и соработничестово людей. Невозможно участие церковного священноначалия и священнослужителей в предвыборных процессах, не допускается выдвижение кандидатур священнослужителей на выборах любых органов власти. В то же время ничто не должно препятствовать участию иерархов и священнослужителей наравне с другими гражданами в народных волеизъявлениях путем голосования.

В настоящее время в некоторых странах Православная Церковь имеет статус государственной религии (Греция, Кипр), в других она отделена от государства. Различаются и конкретные правовые и политические условия, в которых живут Поместные Православные Церкви.

Размышляя о далеких временах, вспоминаешь мысль Юстиниана о том, что «симфония» между божественным и человеческими делами опирается на Воплощение, соединившее Божественную и человеческую природы, так что Личность Христова есть единственный в своем роде источник обеих иерархий — гражданской и церковной. Фундаментальной ошибкой в таком подходе, считает И. Мейендорф, «...было допущение, что та идеальная человечность, которая явила себя через Воплощение в Личности Иисуса Христа, способна обрести адекватное проявление и в Римской империи»[28].

«С Константина Великого Церковь получила мир, которого она жаждала и который был ей необходим, но, — пишет прот. Николай Афанасьев, — он повлек за собою помимо ее воли преклонение под чужое ярмо — ярмо римского кесаря и римского закона»[29].

Описывая историю взаимоотношений политики и религии, нельзя не поддержать идею М. Олбрайт и сделать логичный вывод о том, что наши различия не так уж важны — люди самых разных национальностей и вероисповеданий должны жить в гармонии. Однако на протяжении всего существования человечества пропасть между тем, что должно быть, и тем, что есть на самом деле, всегда была огромна. «В попытке реализовать наши мечты, — пишет она, — ученые изобрели такое, от чего самые страшные кошмары могут стать реальностью. Задача руководителей состоит в том, чтобы способствовать созданию такой международной обстановки, в которой мы могли бы существовать в условиях максимально возможной безопасности, свободы и справедливости,.. когда каждый народ внесет свой вклад в общее дело. И мы сможем не только наслаждаться свободой, но и защищать ее»[30]. На такой гуманистической ноте и можно закончить статью, хотя вопросы о взаимоотношениях государства и Церкви всегда будут стоять на повестке дня, пока они существуют.

© Суханова Н.А., 2009

---

[28] *Мейендорф И., протопресв.* Византийское богословие. С. 302.

[29] *Афанасьев Н., прот.* Церковь Духа Святого. Париж, 1971. С. 288

[30] *Олбрайт М.* Религия и мировая политика. С. 331.